

полевою структуру, компоненты которой не имеют четких границ в своих периферических частях. Приведенный выше материал позволяет констатировать наличие лексико-грамматического класса слов со значением времени. Сохраняя морфологические признаки частей речи, лексико-грамматические средства периферии поля темпоральности объединяются на основании следующих признаков: все компоненты периферии поля темпоральности выражают объективную, либо субъективную временную оценку действия. В силу семантической сложности некоторые компоненты периферии поля темпоральности способны объединять в себе несколько категориальных значений, при этом имплицитно все они содержат в своей семантике временной признак. Неизосемическая лексика существительных периферии ФСП темпоральности формирует категориальный состав периферии данного поля. Специфические признаки категории темпоральности сосредоточены в центре, для периферии характерны разряженность признаков. Поэтому именно в периферии мы наблюдаем разнообразные значения длительности, кратности, временной протяженности по отношению к моменту речи или иной точке отсчета. Лексические (категориально-семантические) изменения приводят к изменению типа текста, например, *прошел человек – прошел год*: повествовательная «цепочка» переключается в описательную. Углубленное изучение многообразного материала текстов художественной литературы, живой речи позволяет нам более полно определить и уточнить понимание поля темпоральности, временной протяженности и кратности в повествовательной речи. За счет периферии происходит качественное и количественное расширение рассматриваемого поля. Исследование темпорального строения текстов является условием разработки типологии «композиционных форм речи» применительно к категории времени, так определяет задачу современного исследования текстов Г.А. Золотова (8).

Подобный анализ позволяет «внимательно изучать своеобразие языковых структур, которые во многих случаях имеют более сложный и “неправильный характер”, чем схемы типа универсальных бинарных оппозиций» (2, с.24).

Литература

1. Нечаева О.А. Очерки по синтаксической семантике и стилистике функционально-смысловых типов речи. – Улан-Удэ, 1999.
2. Бондарко А.В. Категория временного порядка и функции глагольных форм вида и времени в высказывании (на материале русского языка) // Межкатегориальные связи в грамматике / отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб., 1996.
3. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М.: Изд-во МГУ, 2000.
4. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – М., 1990.
5. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975.
6. Карасик В.И. Субкатегориальный кластер темпоральности. – Архангельск, 1997.
7. Михеева Л.Н. Измерение времени в русском языке: Лингвокультурологический аспект // Филологические науки. – 2004. – № 2.
8. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 2003.
9. Адмони В.Г. Структура грамматического значения и его статус в системе языка // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. – Л., 1979.
10. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

Ю.Д. Бадмаева

научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
кандидат филологических наук
г. Улан-Удэ

Сутра «Золотой блеск» («Алтан гэрэл»): колофоны, переводы, текст

В статье дается история перевода буддийского памятника Центральной Азии XIV в. – сутры «Золотой блеск» («Алтан гэрэл») на монгольский язык. Анализируя содержание и язык книги, автор объясняет, почему она стала одной из необычайно почитаемых священных сутр монгольского народа.

Yu. Badmaeva

Sutra of Golden Radiance: content, translation, language

Sutra of Golden Radiance has been known in Central Asia since XIV century. It's been a ritual book at public prayers and up to present time it's been an object for very strong worship among buddists all over the world. In this paper we tried to explain the reasons for such worship and tried to present all possible to find information about this sutra: its origin, variants of translation, content, language, etc.

Буддийское учение стало связующим звеном в установлении культурных связей среди народов Центральной Азии. Ключевую роль в этом сыграли индийские буддийские сутры, распространявшие единое мировоззрение и единую идею духовности. В особенности это касается сутр махаяны, поскольку именно этот вариант буддийского учения распространился в Китае, Тибете, Монголии, Корее, Японии и явил собой значительное отклонение в существовавшей тогда философии. Общая цель махаяны сводилась к тому, чтобы передать религиозные полномочия большому числу людей, не сосредотачивая их в руках нескольких. Именно эта идея и отразилась в махаянских сутрах. Одной из самых важных из них, входивших в канон «Девять провозглашений Дхармы», самых известных, стала сутра, название которой на санскрите звучит как «Suvāmaprabhasottama-sutra», на тибетском как «Gser-od», на монгольском языке как «Алтан гэрэл», на английском она называется «Sutra of the Golden Radiance», а на русском она известна как сутра «Золотой блеск».

История изучения этой сутры весьма интересна. Сутра «Золотой блеск» признается всеми буддистами важным памятником буддийской махаяны. Сутра занимает совершенно особое положение в практике буддийских храмов, почти сакральное, молебны, читаемые по данной сутре, считаются очень важными. Она известна всем ламам и прихожанам, но при этом практически не введена в научный оборот, существует лишь совсем небольшое количество работ, посвященных сутре «Золотой блеск».

Сутра «Золотой блеск» распространилась сначала среди хотонов (тюркское племя в Западной Монголии), китайцев, тибетцев и японцев, была переведена на китайский, хотонский, согдийский, уйгурский, тибетский, монгольский, японский, маньчжурский и многие другие языки (1). А потому является совершенно уникальным источником для разнопланового сравнительно-сопоставительного исследования.

Необходимо также выяснить, почему степень почитаемости этой сутры по Центрально-Азиатскому региону весьма неравномерна. Например, в стране своего происхождения, Индии, она является наименьшей. С наивысшим благоговением относятся к сутре в Тибете, Непале, и, как ни странно, в Японии. Практически так же высоко она ценится в Монголии и Бурятии.

Весьма любопытна история нахождения уйгурских рукописей сутры «Золотой блеск» С.Е. Маловым, в настоящее время хранящейся в Санкт-Петербурге. В 1909-1911 гг. С.Е. Малов находился в командировке от «Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии» в Восточном Туркестане (Синьдзяне) и Западном Китае (провинция Ганьсу). Одну часть, 235 листов этих рукописей, ему удалось обнаружить в селении Вуншигу около г. Сучжоу (провинция Ганьсу) в одной из кумирен – помещении для богослужений лам-тангутов, еще 132 листа ему удалось заполучить в свой второй приезд в это же место. Еще 30 листов ему преподнес в дар губернатор г. Тиньдунь (Сучжоу).

Ценность этой находки состоит в том, что до тех пор не имелось крупных целых сочинений на уйгурском языке, и наконец появилась возможность составления, во-первых, полного словаря уйгурского языка, во-вторых, сравнения уйгурского перевода со всеми существующими редакциями сутры «Золотой блеск» на санскритском, тибетском, китайском и монгольском языках. Данный уйгурский вариант был издан в 1913-1915 гг. (2).

Еще одной важной особенностью уйгурского варианта является то, что в ее колофоне кроме информации о переводчике (как и во всех остальных текстах этой сутры на других языках: тибетском, китайском и монгольском) имеются еще и две очень интересные буддийские легенды о важности и спасительности сутры «Золотой блеск». В первой легенде говорится о чудесном избавлении главы города Инчжоу от суровых наказаний за убитых им животных по причине того, что он изъявил желание переписать данную сутру. Вторая легенда также повествует о том, как жена одного начальника, всего лишь прочитав сутру «Золотой блеск», избежала муче-

ний за умерщвление животных (2).

Далее остановимся подробно на монгольских переводах сутры «Золотой блеск». Историю перевода сутры на монгольский язык можно узнать в колофоне нескольких сохранившихся ее копий. Подробное исследование колофонов было сделано Ц. Дамдинсуреном в его работе «Два колофона монгольской книги «Золотой блеск». Он подчеркивал, что сутра была очень популярной среди монголов, неоднократно переписывалась и перепечатывалась. «Первый вариант книги состоит из 31 главы, второй из 29 глав, а третий вариант состоит из 21 главы. Первый вариант книги «Золотой блеск» переведен с китайского языка на тибетский переводчиком Чойдубом (Chos grub). Второй вариант, состоящий из 29 глав, был переведен с санскритского на тибетский Ешидэ (Ye shes sde). Последний вариант этой книги, по-видимому, был тоже переведен с санскритского на тибетский, но имя переводчика в Ганджурском экземпляре не упоминается» (3).

Первые два варианта книги «Золотой блеск» находятся в «Ганджуре» в XIII томе отдела rguud, третий вариант в XIV томе этого же отдела. Впоследствии все эти три варианта были переведены на монгольский язык. Первый 31-главый вариант на тибетском языке был переведен при Лэгдэн хане в начале XVII в. переводчиком Мати Бадра Сагара при помощи одного из редакторов монгольского Ганджура Гунга Одсэра (3).

Второй 29-главый вариант этой сутры был переведен с тибетского и уйгурского языков на монгольский Шаравсэнгэ в начале XIV века. Колофон этого автора, как указывает Ц. Дамдинсурен, не сохранился в монгольском Ганджурском экземпляре (3).

Третий 21-главый вариант «Золотого блеска» существует в Монголии в двух различных переводах. Тот, который находится в монгольском «Ганджуре», сделан на основе перевода Шаравсэнгэ второго варианта сутры, о котором говорилось выше, поэтому он тоже считается переводом ламы Шаравсэнгэ. Другой перевод третьего варианта был сделан в середине XVII века Зая пандито Намхай Джамцо на «ясном письме» (*тод бичиг*). Как указывает автор, этот перевод стал очень популярным в Западной Монголии (3).

Наиболее изученным на данный момент можно считать перевод второго варианта сутры «Золотой блеск», осуществленный ламой Шаравсэнгэ с тибетского перевода Ешидэ. Данному переводу посвящены две работы - Ц. Дамдинсурена и Ш. Бира (1; 3). Авторы подчеркивали, что именно этот перевод Шаравсэнгэ является важным памятником монгольского языка и литературы XIV века и заслуживает тщательного изучения, поскольку он стал наиболее популярным для монголов.

В монгольских рукописях сохранилось несколько вариантов колофонов к переводу Шаравсэнгэ. Ц. Дамдинсурен осуществил подробное исследование двух колофонов, условно обозначив их как «А» и «В». Это были колофоны к рукописи, находящейся в Улан-Баторском храме Джанрайсэк (Авалокитешвара), и к рукописи, находящейся в Государственной публичной библиотеке МНР (3).

При изучении данных колофонов обнаруживается следующая информация. Во-первых, то, что данная сутра была переведена в период правления Юаней по инициативе монгольских ханов, а также что перевод был выполнен во время пребывания на престоле последнего из юаньских наместников Тогон Тумэра. Итак, Дамдинсурен утверждал, что сутра была переведена в начале XIV в. Шаравсэнгэ. При изучении колофона, отмеченного Дамдинсуреном как «А», обнаруживается, что перевод Шаравсэнгэ мог быть сделан после 1332 г., когда на трон сел Тогоон Тумэр хан и когда была жива вдова Эсэн Тумэр хана Эсэн Тумэр Тайюта (1323-1328). Это говорит о том, что перевод Шаравсэнгэ был сделан в 30-х гг. XIV в. В колофоне «А» было приписано: «Перевод выполнен по воле Эсэн Тумэр Тайюху благодаря благоволению Тогоон Тумэр хана» (1).

Кроме того, очевидно, что работа по переводу книг была осуществлена по благоволению Тогон Тумэр хана после некоторого перерыва, происшедшего в области переводоведения вообще в период правления предыдущих ханов. Таким образом, перевод мог быть сделан только после 1332 г., то есть после восшествия на престол Тогон Тумэр хана (1).

Также в колофоне написано, что первый монгольский перевод «Сутры золотого блеска» был сделан ламой по имени Шаравсэнгэ из монастыря Саж. Шаравсэнгэ пишет, что его вариант перевода был осуществлен с тибетского перевода, сделанного человеком по имени Ешидэ. При этом некоторые места он сверял с китайским переводом.

«Сутра золотого блеска» с первого перевода стала очень популярной, потом она переводилась еще несколько раз в письменном и печатном вариантах. Тогоон Тумэр хан всячески превозносится и восхваляется в этой сутре за оказание поддержки буддизму, и особенно за помощь в переводе сутры «Золотого блеска». Его сравнивают здесь с небесным сыном из священной страны по красоте места его рождения, а по спокойствию, терпению и смирению с бодисатвой Авалокиташвари.

Период наивысшего почитания «Сутры золотого блеска» относится ко времени правления Алтан-хана Туметского (1507-1581 гг.), обратившего монголов в буддийскую веру. Именно по приказу Алтан-хана Туметского «Сутра золотого блеска» была впервые издана ксилографическим способом. Доказательством этого факта является следующая запись в колофоне: *Amitan-u tusa-yi sedkiku-yin tuladda degedu Altan gerel-tu erketu sudur-nuᠠᠭud-un qayan neretu yeke kölgen suddur-i tamay-a čoyol kemen jarliy boluysan-tur Altan qayan-u ači inu ilayuyusan buyan-u erke Bayay-ud bayatur Narmay-tayigi ekilen ačarya gūsi Yondon Bsangpo erglūng terigūlen bičigčid urad-iyar qamuy-(un) tula tamay-a čoyolaju delgeregūl-ün tügelgūlbei*. «Чтобы помочь живым существам, был дан приказ об издании печатными буквами величайшей сутры махаяны «Золотой блеск», для осуществления воли Алтан-хана были назначены добродетельный Баягуд-батор и Нармай-тайджи, и ученый лама-переводчик Ёндосамбу с писарями» (1).

В другом месте колофона данная информация дается с некоторыми интересными уточнениями: *Töbed-ün času-tu yajar-un dorona jüg-tür eldeb sibayun kiged oyi modun čėčeg jimis eldeb küsel-I qangyaqu taryan toyosun üre tegüsiᠭsen öljei-tü qutuy-tu Düsid neretü sume dotor-a nom-un Altanqayan ülemji ariyungegegen sedkil-ün egüden-eče jarliy bolju qamuy amitan-u tula Altan gerel-i qabtasun-tur čoyolju tamayalan kemen ači köbegün-degen basa basa kičiyen duradqaysan jarliy-i inu ülü umartan ülü daban kündülejü ači köbegün inu ilayuyusan buyan-u erketü bayatur huum-tayigi eči᠑e eke tergüten qamuy amitan-u tusa-yin tula...* «В заснеженном Тибете в восточной его части есть священный дворец, где обитают разные птицы, растут деревья, цветы, ягоды и хлеба на любой вкус. В нем живет просвещенный Алтан-хан, который чистыми своими помыслами издал указ о том, чтобы напечатали «Сутру золотого блеска» на дощечках для блага всех живых существ. Он завещал это своим потомкам, которые не забыли и не посмели переступить через его наказ ...» (1).

Появление ксилографа сутры «Золотой блеск» во время правления Алтан-хана явилось поворотным моментом в истории ее почитания в Монголии. Она распространилась в многочисленных копиях, благодаря чему количество ее почитателей выросло во много раз. Именно в этот период она стала одной из самых почитаемых священных сутр монгольского народа.

Из всего вышесказанного следует, что «Сутра золотого блеска» была переведена на монгольский язык более 650 лет назад (после 1332 года), а более 400 лет назад (1584) была издана ксилографическим способом. С тех пор эта сутра стала объектом наивысшего почитания для каждого верующего. Наравне с другими сутрами сутру «Золотой блеск» с почтением хранят дома, читают в монастырях или приглашают лам домой для чтения, переписывают ее или делают ксилографии, украшают ее. В некоторых колофонах даже излагаются условия, которые необходимо соблюсти прежде, чем приступить к чтению сутры: нужно погрузиться в созерцание и благоговейно помолиться, затем встать на колени и т.д. Все вышеперечисленное относится к показателям наивысшей добродетели.

Что же явилось причиной всеобщего отношения к данной сутре как к священному обряднику? Среди основных причин такого поклонения можно назвать то, что она обладает мировоззренческим характером, ставит превыше всего ханскую власть, считает ее оплотом общества, гарантом ее законов, особенно религиозных, стоящих на страже человеческой жизни. Она коренным образом отличается от других сутр, прославляющих добродетели Будды и боддисатв. В ней подчеркивается важность всеобщего процветания, прогресса, материального благополучия, избавления от болезней и страданий, наслаждения радостями жизни. Это доказывает, что у буддийских лам начал проявляться интерес к семье, обществу и государству и появилась потребность в связующей нити между мирскими делами и божественными. Здесь прямо говорится о том, насколько необходимы добродетельные правители, которые уважают своих подданных и пользуются их уважением.

В тексте сутры есть ряд магталов и юролов, доказывающих, каким огромным благодеянием считалось у монголов дело появления сутры «Золотой блеск». Приведем некоторые примеры тех, в которых восхваляются хан, ханша и их отпрыски: *Ene degedü Altan gerel-tüi erketüi sudur-tuyud-un qayan-u adisdid-iyar qayan qatun terigüten qamuy amitan bodi yabudal-tur oroqun boltuyai. Oruyad sača Sugavadi degedü jiryalang-tu ulus-tur törükü boltuyai.* «Хан, ханша и все живые существа пусть достигнут совершенной мудрости по благоволению самой главной среди всех сутр - сутры Золотого блеска. И пусть скорее переродятся они в райской стране Сугавади...». Или: *Ene nom-un öglige bolyan tügegseñ sayin buyan-u kücün-iyer Qayan Qatun Bayaу-ud bayatur tayiji altan uray amin nasun irtu bolju, jayun nasuluуad jayun on-u namuri üjekü boltuyai* «Как подношением одарившие этим учением пусть Хан, Ханша и Баягут-Батор тайджи, отпрыск золотого рода, обретут долгую жизнь и встретят свою сотую осень...» (1).

Следующий юрол посвящен буддийскому учению, счастью всех живых существ, благополучию и спокойствию в стране и во всем мире: *ülemji kereglegdeküi amin nasun öljei qutuy tegün-çilen uruy köbegün noyirsaju qotala sayin-iyar jiryān sayutuyai edüged-ün eçige eke terigüten urida bar boluysan qamuy amitan-u eldeb küsel inu sedkil-iyer бүтүжү ечүс-түр бурқан болу болтууай...*

*Qamuy jiryalang yargu-yin oron
Yasiyūn jobalang-i sergüčegči em
Yayiqamsiy burqan-u sayin nom
Arban jüg-tür delgerekü boltuyai.
Nigen nigen-degen suryalduju eyetüldüjü
Sayin sedkil-iyer amurlijü
Amaray eke köbegün metü
Asaraqı nigülesküi sedkil ten boltuyai
Qur-a usun kereg çay-tur orotuyai
Yobi qabur gola otuysi
Qotola öčüken bügüde amurlijü
Qubçasun ed elbeg boltuyai
Künügegčün ada todqor ügei boltuyai
Kölčün oki dayun qoçerču
Kög dayun kögim boltuyai...*

«Долгой жизни, счастья, радости общения с правнуками своими, пусть исполнятся желания всех живых существ, и достигнут они святости будды...

Страна, наполненная радостью,
Лекарство, избавляющее от страданий,
Удивительное учение Будды
Пусть распространится по 10 сторонам света.
Друг друга обучая,
Успокоиться сердцем
Как любящие мать и сын,
Пусть сердца их станут сострадающими и милосердными.
Пусть дожди идут, когда нужно,
Пусть пустынь станет меньше,
Пусть утихомируются все малыши,
Пусть в изобилии будет одежда,
Пусть все злые духи исчезнут,
Пусть все демоны уйдут под землю,
Пусть раздастся музыка.

Далее роль «Сутры золотого блеска» уточняется следующим образом: «Хан должен наставлять провинившихся на путь истинный, запрещается наказывать их иначе, чем учением. Для того чтобы все живые существа могли переродиться на небесах, нужно каждому помочь встать на путь истинный. Для того чтобы показать плоды хороших и плохих деяний в этой жизни, нужно дать им благословение небесного хана».

Также в сутре описывается, что может произойти со страной или с ханом, если он не сможет выполнять свои функции: «Если хан снисходителен к нарушителям, не пытается их исправить, то в его государстве распространяются плохие деяния, обостряются конфликты и преступления. Тогда 33 небожителя разгневаются, и государство начнет разрушаться. В это время плохие деяния будут множиться, страна подвергнется нападению врагов... И если хан не справится со

своими обязанностями, политическая система придет в упадок; это будет похоже на то, как слон топчется среди цветов лотоса». Отсюда следует, что наставление на путь истинный своих подданных является главной целью правителя, он должен заботиться о чистоте их помыслов и моральном облике. Сутра учит тому, что подданные должны быть честны по отношению к хану, а хан должен направить все свои усилия для достижения блага своих граждан.

Все это наглядно демонстрирует, как проповедовалась монархия, поддерживаемая Буддой, как единственно возможная форма правления. Таким образом, монгольские ханы прилагали все усилия к укреплению своей власти с помощью новой веры, и весьма важную роль в этом деле сыграла сутра «Золотой блеск». Следует отметить, что данная сутра, а в особенности ее «Ханская шастра» (*Qayan-u šastir*), имела огромное влияние на идеологию государства и ее деятельность. Все последующие теоретические работы о государстве впоследствии взяли за основу принципы государственности, проповедуемые в сутре «Золотой блеск». И становится понятно, почему монголы пытались воплотить, внедрить эти принципы в свое государственное устройство и общественную жизнь.

Ранее Ш. Бира неоднократно писал о том, что древние монгольские историки, такие как автор «Хрустальных четок» Рашипунцаг, пытались опровергнуть мнение людей, которые считали, что государством нужно управлять не по «Канонам учения», так как «Каноны учения» не обладают достаточной строгостью к преступившим закон, поскольку в их основе лежит сострадание и терпимость к ближнему. Рашипунцаг, опираясь на сутру «Золотой блеск», доказывал, что «Каноны учения» не только не препятствуют наказанию преступников, но и способствуют водворению мира в государстве (1).

О самом тексте сутры «Золотой блеск» следует сказать, что он написан достаточно ясно, ошибки встречаются очень редко, если переводчик сомневался в правильности написания какого-либо слова, он с левой стороны записывал его тибетское написание. Из орфографических особенностей следует упомянуть, что точка при *-n* (*n*) не ставится ни в каких случаях, например *Nee it* («очень») конечные знаки для *-n* и *-s* не различаются, например *tegüs DeKa* («совершенный»).

По грамматическим категориям языка сутры можно отметить следующие особенности. Функцию грамматических способов выражения категории множественности почти полностью взяли на себя показатели *tan*, *nar*, *niyud*, *-ud*, что говорит о сужении согласования в числе определения и определяемого и увеличении роли семантических и синтаксических средств образования множественности по сравнению с памятниками письменности средневекового периода.

В категории падежа появилась большая систематичность в присоединении показателей также в сравнении с более ранними памятниками монгольской письменности. Показатели родительного и винительного падежа стали иметь четкое разделение: *-u*, *-un*, *-uṃ* родительного падежа и *-i*, *-uṃ* винительного падежа. Наиболее распространенным показателем дательного падежа является *-a*. Показатели остальных падежей не имеют отличий от таковых классического монгольского языка. Категория принадлежности не имеет особых функциональных различий.

В тексте встречается довольно большое количество различных прилагательных и наречий, употреблявшихся в качестве эпитетов, хотя примеров на категорию степеней сравнения находится очень мало, что позволяет сделать вывод о недостаточном развитии данной категории.

Наблюдается почти регулярное согласование в числе количественных числительных с определяемым словом, например *γurban tümen qoyar mingγan tngri nar-un köbegüd*. В тексте представлены в основном количественные числительные, что затрудняет возможность их комплексного анализа.

Видимо, содержательной спецификой определяется тот факт, что в тексте почти нет примеров совместного и взаимного залога, чаще всего встречаются примеры в страдательном залоге (*kemegdeyü* «говорится») и реже в побудительном (*silṭayan-ača törügülgösen* «стать причиной»). Система изъявительного наклонения и причастных форм сформирована полностью, идет четкое разделение форм прошедшего, настоящего и будущего времени.

В заключение мы делаем вывод о том, что одно из величайших творений ума древних индусов «Сутра золотого блеска» имела огромное значение. Она не только сделала более цивилизованными жестокие нравы, царившие среди кочевых монгольских народов, но и сыграла просве-

тительскую роль, проповедуя высокую мечту о буддистском государстве, возглавляемом ханом, стоящим на страже религиозных законов.

Литература

1. Бира Ш. Монголд Алтангэрэл судрыг тахин шүтэж ирсэн нь // Монгол судлалын мэдээлэл. Олон Улсын Монгол Судлалын Холбооны хэвлэл, 1994. № 2 (14); 1995. №1 (15).
2. Радлов В. В., Малов С. Е. *Suvarṇaprabhāṣa*. Сутра золотого блеска. – СПб., 1913-1915. Т.17. Ч. 1-8.
3. Дамдинсүрэн Ц. Два колофона монгольской книги «Золотой блеск». – Улаанбаатар, 1978.

Р.А. Багаева

ассистент кафедры русского языка Бурятского государственного университета
г. Улан-Удэ

О категории посессивности в лингвистике

Статья посвящена категории посессивности, являющейся универсальной понятийной категорией. Рассматриваются различные подходы к определению ее статуса, границ и объема.

R. Bagaeva

On the question of the category of possessivity in linguistics

The article is devoted to the category of possessivity, which is considered to be universal category. It deals with different approaches to the definition of possessiveness given by modern linguistic.

При изучении такого сложного и многогранного явления, как категория посессивности, исследователи исходят из различного понимания ее сущности, границ и объема. В работах лингвистов встречаются самые разнообразные, а зачастую и противоречивые определения категории посессивности.

Согласно точке зрения, развиваемой в работах многих лингвистов категория посессивности принадлежит к числу таких лингвистических явлений, исследование которых позволит вплотную подойти к характеристике языкового сознания («менталитета») данного социума.

Посессивность как одна из универсальных понятийных категорий языка означает такое отношение между двумя субстанциями, в котором одна из них мыслится как субъект обладания (*possessor*, посессор, обладатель), другая – как объект обладания (*possessum*, обладаемое). Ее можно представить в виде следующей формулы: $XR_{poss}Y$, где R_{poss} – отношение посессивности, а X и Y – элементы (внеязыковые сущности), связанные этим отношением (1, с. 17).

Приведенной дефиницией, конечно же, не снимается дискуссионность самого понятия посессивности, получающая отражение в наличии разных точек зрения по вопросам о границах посессивности, о соотношении различного рода посессивных моделей того или иного языка, о типах посессивности.

Так, Х. Зайлер видит в посессивности такие аспекты, как концептуальный, понятийный и когнитивный, с одной стороны, и лингвистические аспекты – с другой, и в связи с этим замечает: "В вопросе о том, что такое посессивность (в оригинале *possession* букв. 'обладание'), лингвист не может полагаться на солидную сумму знаний или доктрины, получившие развитие или в философии, или в эпистемологии, или в когнитивной психологии и в смежных науках. Но вот что парадоксально: часто представители только что упомянутых наук прибегают к языку в надежде, что языковые данные помогут им лучше разобраться во всей сложности проблемы посессивности" (2, с.1). В другом месте, обсуждая вопрос о посессивности, Х. Зайлер утверждает, что содержание терминов, обозначающих данное понятие, "не получило удовлетворительного уточнения ни в одной из моделей синхронного описания языка", и далее он заявляет: "Мнения о том, что следует принимать за посессивное в определенных языках, колеблются. И естественно возникает вопрос, нужно ли вообще предоставлять соответствующему понятию место в описании языков и, стало быть, в грамматике" (2, с. 231). И как итог, звучит признание, что «вопрос относительно синтаксической и тем более семантической сферы посессивности остается невыясненным» (2, с. 231).